

Николай ОСОКИН

НАЧАЛО ИНКВИЗИЦИИ

Николай Алексеевич Осокин
Начало инквизиции
Серия «Всемирная история (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64764847
Начало инквизиции / Николай Осокин: Вече; Москва; 2021
ISBN 978-5-4484-8613-5

Аннотация

Одно из самых страшных слов европейского Средневековья – инквизиция. Особый церковный суд католической церкви, созданный в 1215 г. папой Иннокентием III с целью «обнаружения, наказания и предотвращения ересей». Первыми объектами его внимания стали альбигойцы и их сторонники. Деятельность ранней инквизиции разворачивалась на фоне крестовых походов, феодальных и религиозных войн, непростого становления европейской цивилизации. Погрузитесь в высокое Средневековье – бурное и опасное!

Содержание

I. Лангедок в 1216–1229 гг	5
Основатели нищенствующих орденов	6
Подъем патриотического сознания в Провансе и Лангедоке	29
Осада Бокера	35
Первое восстание в Тулузе и его подавление	40
Второе восстание в Тулузе, осада Тулузы и смерть Симона Монфора	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Николай Осокин

Начало инквизиции

Знак информационной продукции **16+**

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

ООО «Издательство «Вече»

<http://www.veche.ru>

I. Лангедок в 1216–1229 гг

Основатели нищенствующих орденов. Подъем патристического сознания в Провансе и Лангедоке. Осада Бокера. Первое восстание в Тулузе и его подавление. Второе восстание в Тулузе, осада Тулузы и смерть Симона Монфора. Слабость власти Амори Монфора. Политика Филиппа II и пап по отношению к Лангедоку и альбигойцам. Походы Людовика VIII. Покорение Лангедока французами; изъявление покорности графом Тулузским. Парижский договор 1229 года. Тулузский собор и опыт трибунала

Основатели нищенствующих орденов

На восточной окраине старой Тулузы долгое время сохранялись следы античных стен Нарбоннского замка. Этот укрепленный замок, проживший вместе со страной всю историю, некогда служил местом пребывания римских сановников, цитаделью вестготских королей, дворцом герцогов Аквитании и резиденцией графов Тулузских. К одной из наружных стен этой крепости, со стороны, обращенной к Гаронне, в 1214 году приютился монастырь, котором временно поселились первые последователи испанского проповедника и подвижника Доминика.

Осыпавшиеся двойные арки, разделенные белыми мраморными колоннами, серые кубические кирпичи – все показывает, что католическая обитель воздвигалась на римских руинах. Архитектура свидетельствует о древности постройки, постепенно подновлявшейся. Главный фронтон этого монастыря, расположенный напротив нынешнего Дворца правосудия, принадлежит в настоящем виде XVI веку.

Вид здания мрачен и тяжел, как и то, что некогда совершалось за его стенами. Над воротами его крупными буквами было написано: DOMUS INQUISITIONIS – дом инквизиции. Эти слова, некогда столь страшные для горожан, уже сгладились временем, но еще недавно можно было видеть прочие надписи и украшения фронтона. TUA RURA – «Твои селе-

ния» – так гласит надпись, видимо вызывающая к небу и окружающая герб с изображением голубя, который несет в клюве масличную ветвь мира. Середину фриза украшают соединенные вместе герб доминиканского ордена (пальма и звезда на белом с черным фоне) и герб Франции (лилии с королевской короной). По обеим сторонам гербов было изображено: SIMUL IN UNUM, DIVES ET PAUPER – «Вместе воедино, богатый и бедный». На тимпане читались многозначительные слова: «Един Бог, одна вера».

Небольшая галерея с дугообразным сводом, на который опирается портал, ведет во двор здания. Прежде в ней помещались статуи святого Доминика и Петра-мученика. Стены крытого двора и плафон были разрисованы картинами, изображавшими жизнь и чудеса Доминика. Сухая и болезненная фигура святого, со звездой на челе, имела вид грустный и несколько суровый. Недалеко от монастырской церкви путешественнику укажут келью, в которой, по преданию, первое время жил святой Доминик.

Это здание было подарено основателю ордена богатым тулузским гражданином Петром Челлани в 1214 году. Когда спустя два года после утверждения братства первые последователи Доминика оставили это тесное убежище и переместились в новый, более просторный монастырь, инквизиционный трибунал сделал его местом своих собраний. Титул великого инквизитора тулузского существовал почти до самой Великой французской революции. В 1774 году здание

было куплено одним тулузцем, который завещал своим наследникам хранить дом инквизиции на память поколениям. В последнее время здесь помещалась капелла одного религиозного общества. Историки полагают, что именно здесь святейший отец Доминик задумал будущие меры для истребления альбигойской ереси, из-за которой война в земле Ланге-дока тянулась уже почти десять лет.

Старые католические летописцы не стесняются награждать основателя доминиканского ордена, этого братства проповедников, далеко не лестной славой первого инквизитора в христианском мире. Один из них начинает свой длинный перечень великих тулузских инквизиторов Домиником и помечает первые отправления инквизиционного учреждения 1209 годом¹. В его глазах доминиканский орден и инквизиция почти тождественны. Другой писатель – монах Мачедо – идет гораздо далее и, сочиняя панегирик инквизиции, относит ее к отдаленнейшим временам, ставя во главе этого учреждения уже не Доминика, а самого Господа².

«Сам Иегова, – восклицает этот фанатик, – исполнял обязанности инквизитора, когда громил возмущившихся анге-

¹ J.J. Percin. Monumenta conventus Tolosani ordinis ff. Tol. 1693. Opusculum de haeresi Albigenium, de Inquisitione etc. p. I, 84; p. III, 109. Автор с замечательной ревностью старается удержать за доминиканцами славу первых инквизиторов; сразу после вынесения святым папой Гонорием III буллы против альбигойцев (от 1218 г.) он пишет: «Наши братья исправили многое из того, что ослабляло курию».

² F. Macedo. Schema congregationis Sancti Officii romani. Pad., 1676.

лов. Он продолжал поступать так и здесь, на земле, когда наказывал нашего пращура Каина и тех безумцев, которые созидали башню Вавилона. Он передал это дело святому Петру, который впервые применил такую кару против Анании. Первосвященники римские, непосредственные преемники этого князя апостолов, перенесли впоследствии свои права на святого Доминика и его орден».

Такой преемственностью объясняется, по мысли автора, святость инквизиции.

Но, оставляя в стороне фантазии Мачедо, следует ли возложить на Доминика ответственность за изобретение первого инквизиционного трибунала? Справедливо ли объединять в неразрывное целое личность Доминика и век инквизиции – эти позорные для католичества страницы?

Может ли подобное церковное учреждение явиться плодом творчества одного человека? Не коренится ли оно в более глубоких причинах и в более существенных условиях? Имя этого человека сделалось известным в Лангедоке с первых годов XIII столетия. Мы рассказывали уже о начале его деятельности. Причина его необыкновенной популярности в Средние века заключалась в мнимом даре чудотворства, который видели в нем склонные к сверхъестественному современники. Если бы историк захотел собрать и изложить бесчисленные легенды о его подвигах и чудотворстве, он имел бы неиссякаемый источник в трудах католических монахов.

Никому из католических деятелей, кроме святого Фран-

диска, не посвящено столько страниц в летописях и исторических трудах, сколько Доминику. Первые доминиканцы тщательно собирали все мельчайшие подробности о деятельности своего патрона, разукрашивая их по собственному разумению. А то поколение, которое видело собственными глазами подвижничество Доминика, спешило скрепить своим речательством все легенды, которые принято было рассказывать о знаменитом человеке, искусство и заслуги которого признавали даже альбигойцы. Вскоре после его смерти стали составляться подробные жизнеописания Доминика. Их авторами были такие небеспристрастные авторы, как его последователь, второй генерал ордена, Иордан, и доминиканские духовные лица: Бартоломей Тридентский и Теодорик де Апольда, страстные поклонники своего учителя³.

Ореол кротости и святости, который они пытаются придать основателю проповеднического братства, решительно

³ Источники для биографии св. Доминика занимают половину первого тома в *Acta Sanctorum* (curante J. Carnandet. Par., 1867), p. 339–654. обстоятельный разбор этого материала и обширное критическое введение по всем частным вопросам биографии Доминика (p. 359–545) предпосланы тексту первых житий: auctore B. Jordano synchrono ex ordine Praedicatorum, et secundo ejusdem Ordinis Magistro generali (p. 541–558); *Vita altera quam F. Bartholomaeus Tridentinus exord. Praed. ante medium seculi XIII breviter conscripsit*; *Acta ampliora quae F. Theodoricus de Appoldia, suppar Ordinis Praedicatorum scriptor, ex variis antiquioribus monumentis collegit*. Теодорик, немецкий доминиканец из Эрфурта, писал в 1290 г. Далее следуют акты относящиеся к частностям жизни и к чудесам святого (628–641 etc.). В период между Иорданом и Теодориком писали еще другие биографы, работы которых частью помещены у Quetif et Echard (*scriptores ord. praed.*), частью не изданы.

противоречит тем рассказам о жестокости и кровожадности, которые, по мнению протестантских историков, были характерны для мнимого изобретателя страшной инквизиции. Естественно, что фантастичность католических сказаний далеко не в силах сколько-нибудь умалить той понятной ненависти, которую питали к торжествовавшему католицизму и его представителям первые жертвы религиозного свободомыслия.

Рожденный в Кастилии, где каждая пядь земли напоминала о борьбе христианских рыцарей с неверными за дело и торжество Креста, Доминик де Гусман был более какого-либо другого способен поддержать католическую веру в Лангедоке, где духовенство, изнеженное и бездеятельное, было бессильно перед крепкой организацией противников, перед влиянием и чистотой жизни их вождей, перед молодой силой новаторских религиозных убеждений.

Согласно католическим легендам самому рождению Доминика предшествовали видения и чудеса. Он был родом из местечка Каларнога. Отца его звали Феликсом, мать — Иоанной. Семейство д'Аца, известное в округе благочестивой жизнью, было в родственных связях с местными епископами. Брат Доминика также приобрел некоторую известность благочестивыми делами, но она была затенена славой основателя доминиканского ордена, который уже родился со звездой на челе — как бы с печатью избрания. Еще до рождения этого избранника матери казалось, что она носит

в утробе щенка, который лаем всегда напоминает о себе; а иногда ей виделось, что она родила младенца, который зажег весь мир своим светильником. Воспитывал ребенка дядя-епископ, который вместе с матерью наставлял его на путь смирения и благочестия, умудряя чтением Библии.

Отправленный учиться в Паленсию, в этот «museum», из которого позже возник Саламанкский университет, Доминик первым делом продал свои уже прочитанные книги, чтобы раздать деньги бедным. Он чуждался общества сверстников, не шутил, не смеялся, вел жизнь затворника, не ел мясной пищи, спал на камнях или на голой земле. Его видели только в церквях, где он со страстным вниманием вслушивался в проповеди. Книга Кассиана «Сравнение отцов» оказала на него большое влияние и привела к духовному совершенствованию; он слепо подчинился ее наставлениям⁴.

Когда богословское образование юноши было завершено, Диего, так звали епископа, предложил Доминику духовную карьеру, исключительно подходившую к одностороннему аскетическому складу его натуры, и тогда же сделал его каноником в своей церкви, посвятив в августинский орден. Душа молодого августинца не могла удовлетвориться тесным кругом проповеднической деятельности в какой-нибудь Паленсии. По выражению поклонника Доминика, Апольда, слова его зажигали слушателей, подобно светильнику Илии.

«Он готов был, – говорит Бартоломей Тридентский, –

⁴ См.: *Barthol. Tridentinus*, с. 1–2; *Appoldia*, с. 12; *Iordanus*, с. 6, 11.

разорвать тело свое на куски из ревности к вере, а любви божественной в нем было так много, что для выгод христианства он готов был пожертвовать собой, продать себя, если бы то потребовалось»⁵.

Сама судьба привела Доминика в Лангедок в свите дона Диго. Где, как не там, предстояли подвиги ревности католических подвижников! От катаров, от этих гонимых еретиков, Доминик предлагает заимствовать чистоту жизни, их воздержание, их презрение к плоти. Известно, с какими словами он обратился к легатам и к сопровождавшим их священникам; испанская миссия на этот раз несла с собой не поучение, а живой пример.

Какими поступками, как не мнимою способностью к чудотворству, можно было завоевать симпатии и известность в тот суеверный век? Только на них могла опираться прочная сила и популярность человека, замыслившего нравственное обновление католического общества. И действительно, куда бы ни приезжал этот человек, он везде производил сильное впечатление на людские массы своей личностью, огненной речью и особенно обаянием чудес.

Шли слухи, что он обладает тайной исцелять самые разнообразные болезни, своими молитвами ставит на ноги умирающих, излечивает сумасшедших, изгоняет нечистых духов, которые повинуются одному его мановению. Утверждали даже, что он, подобно Христу, может воскрешать умер-

⁵ *Barthol. Tridentinus*, c. 5; p. 556.

ших. После его смерти одна женщина, которая, не доверяя этим слухам, злобно посмеиваясь над чудесами святого, была наказана жестокими язвами и болезнью, от которой не могли помочь никакие усилия тогдашних медиков; только одно раскаяние перед образом святого, в день его праздника, сразу и совершенно исцелило больную⁶. По кончине Доминика в теле его, как известно, сохранилась та же таинственная целительная сила, помогавшая верующим, какую он имел способность обнаруживать при жизни. В приложении к житиям обыкновенно помещаются целые списки чудес. Они подписаны более чем тремястами свидетелей: доминиканцы, инквизиторы, посторонние мужчины и женщины под присягой свидетельствуют достоверность сказанного ими и записанного с их слов.

Насколько условна такая достоверность, видно из свидетельства некой Беренгарии, бывшей еретички, обращенной Домиником в католичество. Она собственными глазами видела беса, который сидел в девяти еретиках и вышел из них по мановению святого, причем Беренгария успела тщательно определить размеры этого загадочного существа. По ее словам, вылетевший бес величиною был с собаку, похож на кота, глаза как у быка, весь красный, как в пламени, язык у него с полфута, а хвост с пол-локтя.

Некоторые из чудес, совершенных молитвами Доминика, уже после его кончины, были довольно странного свойства.

⁶ Acta Sanct.; p. 647.

Одна девушка, желая посвятить себя иноческой жизни, отказывалась от замужества, вопреки настояниям отца. Когда всякое дальнейшее сопротивление стало бесполезным, она обратилась в молитвах к святому Доминику, и в канун назначенного брака невеста проснулась с таким обезображенным лицом, что жениху оставалось отказаться от свадьбы и позволить девушке идти в доминиканский монастырь.

Легенды гласят, что своему желанию Доминик мог менять органы человеческого тела. Так случилось с одним испанским юношей, который матерью был предназначен в доминиканцы, но который от рождения нес на себе печать уродства: вместо мужского полового органа он имел женский; молитвами святого этот недостаток был исправлен, и женский орган быстро превратился в мужской⁷.

Личное подвижничество Доминика также было засвидетельствовано очевидцами. Он подвергал себя тяжелому изнурению, носил вериги, власяницы. В двух-трех местах он назван «преследователем ереси, упорным гонителем ее и словом и примером», но всюду его личность представляется кроткой, щедрой, радушной, скромной, готовой на всякие жертвы для блага всех христиан, чуждой сует нашего мира⁸. Его девственность, которую он сумел сохранить в продол-

⁷ См.: Acta Sanct.; p. 643, 652.

⁸ Epist. auth.; p. 641–643. Доминику приписывают молитву за грехи всех людей: «Господь, смиростивись над людьми! На чем челе нет греха?!» И, терзаемый бессонницей, он плакал и рыдал над людскими грехами» (p. 642).

жение всей своей жизни, засвидетельствовали, по католическим обычаям того времени, три женщины, безуспешно пытавшиеся совратить Доминика.

Слава подвижника и необычайного человека была приобретена Домиником с первых лет его пребывания в Лангедоке. Вместе с Диего он обдумывал план духовного воздействия на ересь. Назидание и христианское воспитание обращенных согласовались с помыслами тогдашнего папы Иннокентия III. Монашеское братство, состав и характер которого он уже представил, думая о том еще на родине, могло, по его расчетам, соответствовать стремлениям первосвященника. Прежде чем просить духовного разрешения на утверждение общества, собиравшегося охватить своей деятельностью весь католический мир, Доминик желал сперва проверить некоторые свои предположения.

Как известно, он основал, по благословению Диего, свой монастырь, неподалеку от Монреаля, на земле тулузского епископа. Он предназначался для укрепления в вере обратившихся еретиков, преимущественно из известных провансальских фамилий; на первое время там он набрал одиннадцать девиц. Учащимся Пруллианского монастыря (de Prouille) было запрещено оставлять свое жилище и предписывалось разгонять скуку работой.

По инициативе Доминика возникли и мужские школы, питомцы которых готовились к проповедованию Слова Божия и к обращению еретиков. Мало-помалу стали открыв-

ваться монастыри общества «бедных католиков», предшественника доминиканского ордена. В этих монастырях собирались поклонники Доминика, его первые последователи. Описанный нами в начале этой главы тулузский монастырь, позже превратившийся в дом инквизиции, был одним из таковых. Братия и ученики жили милостыней.

Иннокентий III принял эти монастыри под свое покровительство⁹, но еще не учреждал доминиканского общества, не утверждал особой конгрегации, так как дал обещание не разрешать их ввиду многочисленности прежних орденов. Диего не суждено было дожить до осуществления мечтаний своего питомца. Он вернулся в Кастилию, где вскоре умер. Доминик остался один и стал бороться с ересью.

Когда он частным образом основывал свое братство, желая служить примером для небольшого кружка истинно благочестивых католиков, то вряд ли тогда в его голове носились картины допросов, пыток, казней, костров и всего того, что сделало столь страшной инквизицию. Напротив, есть причины думать, что он имел в виду исключительно духовное нази́дание. Два года он хлопотал об учреждении регулярного братства для содействия церковным делам в Лангедоке. Как ни трудно было получить такое разрешение от Иннокентия III, Доминик выхлопотал его на том же Латеранском соборе, на котором, между прочим, было постановлено не допускать создания новых духовных орденов.

⁹ См.: *Registra Innocentii III*; I. VI, ep. 106, 197, 199; I. XII, ep. 17, 66–69 и др.

Доминик со своим обществом должен был подчиниться какому-либо прежнему уставу. Он избрал новейший августинский, к которому принадлежали преимущественно духовные ученые, но добавил к нему несколько строгих аскетических правил. Так как целью братства была проповедь в разнообразных местностях, то орден должен был не приобретать недвижимость для своего обеспечения, а довольствоваться сборами и подаянием. Когда с этим желанным разрешением, осуществлявшим первую половину его мечтаний, Доминик вернулся в Тулузу, то город, по настояниям епископа Фулькона, предложил в его распоряжение особую церковь с монастырем по имени S. Romain.

В это приорство, названное впоследствии инквизиционным домом, в 1216 году перебрались шестнадцать доминиканцев.

Но этим прообразом ордена, этим полузаимствованием, не мог удовлетворяться человек, считавший себя призванным свыше создать особое, самостоятельное учреждение в Римской церкви. Он боялся, что умрет, не завершив своих начинаний. В том же году он опять пошел в Рим, дабы у ног Гонория III вымолить разрешение на создание особого проповеднического братства. Доминик, очевидно, со всей готовностью к самопожертвованию не чужд был тщеславной мысли оставить свое имя в истории церковно-католических учреждений. Он усердно молился в церквях Вечного города, прежде чем предстать перед первосвященником.

Однажды ночью, после напряженного бдения, ему было даровано видение, которое записали набожные биографы: Доминик увидел Сына Божия, восседавшего в пределах горних на высоком троне по правую сторону от Бога Отца. Он сидел гневный, раздраженный, у ног Его были толпы грешников, склонившихся перед ним. В Его руках было три копья, предназначенных для истребления прегрешивших, – одно для гордых, другое для скупых, третье для развратных. Пресвятая Матерь обнимала Его ноги, умоляя о милосердии к падшим, о смягчении их участи. «Разве не видишь? – отвечал Ей Иисус, – сколь неправды они соделали мне? Моя справедливость не потерпит столько безнаказанного зла». Тогда Пресвятая Дева сказала ему: «Ты ведаешь, Господи, каким путем надо направить их. Я знаю верного слугу, которого Ты пошлешь в мир, дабы он возвестил твое учение. Тогда все познают и обрящут Тебя. Я дам ему в помощники еще другого слугу, который совершит то же дело». По желанию Господа, которого смягчили Ее просьбы, Она подвела Ему монаха, в чертах которого Доминик узнал самого себя. «Он способен исполнить то, что сказала Ты», – изрек Господь. Следом за ним Она подвела другого монаха, который предназначался в соратники Доминику. Лицо его было незнакомо, Доминик никогда не видел его прежде.

Но, придя на другой день в церковь, он нашел его между молящимися и тогда, смело обратившись к нему, воскликнул:

– Ты – товарищ мой, ты пойдешь вместе со мной. Мы будем действовать вместе, и никто не одолеет нас!

Нового знакомого звали Франциском¹⁰. Это был другой фанатик собственных убеждений.

Он жил в Риме с той же целью, что и Доминик. Он имел с ним удивительное сходство по желанию подвижничества, по склонностям. Его помыслы стремились к тому же пробуждению католического духовенства от долгой апатии, к тому же нравственному обновлению общества, но идеалы Франциска были исключительно аскетического свойства. Познакомиться с этой личностью весьма важно для изучения той эпохи.

Франциск (в миру Джованни Бернардоне) был сыном богатого купца из итальянского города Ассизи¹¹. Он с детства почувствовал свое призвание. С самой молодости он удерживал вырученные за товары деньги ради бедных и больных. Раз, когда в храме читали об евангельском отречении от всех земных благ ради имени Христова, его экзальтированная натура, уже давно подготовленная к тому постами и молитвами, была надломлена окончательно. Он отказался от отцов-

¹⁰ См.: *Gerardus de Fracheto. Vitae fratrum; Acta Sanct.*, p. 441.

¹¹ Первым биографом св. Франциска был его ученик Bonaventura; к последующим принадлежат Th. Celsno, I. de Ceperano. В *Acta Sanctorum* (oct. t. II, 1866) помещено кроме соч. Бонавентуры (742–798) краткое дополнение к житию, приписываемое трем друзьям Франциска. Из пособий, которые почти все принадлежат к клерикальному источнику, лучшие – *Ed. Vogt. Der heilige Franciscus Von Assisi, biographischer Versuch.* Tub., 1840; и протестантское – *Carl Hase. Franz Von Assisi, ein Heiligenbild.* Lpz., 1856.

ских богатств и, приняв имя Франциск, в рубище, босой, стал ходить по городу, питаясь милостыней. У него начались галлюцинации: ему являлись странные видения, он слышал пение ангелов, беседовал с Богом. Отец через епископа при-
бег к уговорам вернуться к нормальной жизни, а потом и к строгим мерам – семья с презрением изгнала его.

Франциск расторг все связи с родственниками и стал проповедовать необходимость строгого покаяния, суровой жизни и отречения от мирских благ. Он притупил свои чувства и тело. Перед этим аскетическим героизмом начали преклоняться. Один ассизский богач смеялся над Франциском, но однажды, после его страстной проповеди, распродал свои богатства и пошел за этим человеком, оригинальным, но магнетически притягательным. Тогда к нему присоединились еще шесть человек. Все они поселились у ручья, в тесном шалаше, в окрестностях города; попеременно они ходили на проповедь.

В 1208 году Оттон IV короновался в Риме; Франциск послал письмо, где напомнил императору о суете мирской и о том, что вся слава его пройдет, как сон.

Его страстная натура не могла успокоиться на самоуглублении и созерцании, он всячески истязал свое тело. Трижды в ночь он бичевал себя: один раз – за свои грехи, другой – за живущих, третий— за души в чистилище. Чтобы притупить телесные ощущения, он, нагой, кидался в снег и, даже умирая, распростертый на сырой земле, оставался тем же геро-

ическим аскетом, каким всегда был при жизни.

Добиваясь неведомых подвигов, Франциск, напрасно выпрашивая у Иннокентия III разрешения открыть братство «нищенствующих францисканцев», обошел всю Южную Италию и отправился в Палестину. Он был в Сирии и Египте; всюду его сопровождала молва о чудесах. Говорили, что его жизнь напоминает жизнь Спасителя от самого рождения, что он даже превосходит Христа своими подвигами. Его миссионеры распространяли идею отречения от мира в Испании и в Северной, и Южной Франции, однако в Германии их постигли неудачи. «Германия не для нас, – повторял Франциск, – избавь нас Господь от немцев».

Вторично он явился в Рим в конце 1216 года, одновременно с Домиником, но опять потерпел неудачу. Доминик был счастливее его. Орден «проповедников» наконец был утвержден Гонорием III. Необходимость бороться словами с ересью альбигойцев и вальденсов, которые не переставали беспокоить церковь, была, вероятно, причиной того, почему папа двадцать второго декабря 1216 года – с целью учреждения общества на началах «Божиих и правилах святого Августина» – дал «брату Доминику, приору S. Romanis в Тулузе», утвердительную буллу, оставив разрешение вопроса о францисканском братстве до этого времени.

Франциску суждено было увидеть исполнение своих заветных мечтаний лишь спустя шесть лет, когда число его «миноритов», этих «меньших братий», действительно стало

поразительным, когда они удивили церковь своей готовностью отречься от благ мира, которые они старались не видеть из-за капюшона своей убогой одежды, и своей способностью воздействовать проповедями на простой народ. Но и сейчас за Франциском стояло уже несколько тысяч последователей. Во многом именно им был обязан Доминик своими успехами в Риме. Франциск бескорыстно поддерживал его перед папой и кардиналами, забывая на время свое собственное дело.

Новое доминиканское братство имело мирные, не воинственные цели. Проповедь, и только проповедь, была его непосредственным назначением. Самое название «проповедническое» вытекало из обращения, какое сделал к Доминику Гонорий III в своем послании: «Брату Доминику и его проповедникам в тулузской стороне»¹².

«Принимая во внимание, – так начиналась папская булла, – что братья вашего ордена всегда будут защитниками веры и истинными светочами мира, мы утверждаем орден со всем его имуществом и правами».

Другая грамота содержала в себе четырнадцать статей. Папа брал под свое покровительство церковь Святого Романа и соглашался, чтобы орден каноников, который там находился, существовал на вечные времена. Он предоставлял братству обладание его церковным имуществом и всем, что оно приобретет впоследствии, освобождая братьев от платежа десятины с земель, которые они обрабатывают своими

¹² Acta Sanct.; aug. 1.1, 447.

руками или на свой счет, а также и от натуральных церковных повинностей. Братство должно обращаться к местным епископам за святым мирром и приглашать их для освящения алтарей и церквей и для посвящения клириков. Приоры в монастырях должны выбираться монахами свободным голосованием, без всякого постороннего влияния¹³.

Первоначально орден еще не был нищенствующим – это было братство обыкновенных каноников. Обеты нищеты, целомудрия и послушания сформировались впоследствии, пока что определилось только непосредственное назначение братства – проповедь и обращение еретиков в истинную веру. Гонорий III не решался так скоро уничтожить формальное запрещение своего предшественника.

Учреждение нищенствующих орденов знаменует довольно приметный перелом в нравственном настроении тогдашнего общества. Это была реакция на успехи ереси, которая доселе проявлялась в массах.

Мы имели случай заметить, что с 1216 года, когда начались заседания Четвертого Латеранского собора, альбигойская ересь теряет то значение знамени патриотических интересов, какое имела доселе, и существует скорее как внутреннее верование отдельных личностей. Что реакция была сильна, что идеалы нищенствующих коренились в самом обществе, что на них отзывались сильно, видно из той изумительной быстроты, с какой увеличивалось число последова-

¹³ Bullarium Romanum, ed. 1857, Turin; III, 309.

телей Доминика и Франциска. Не прошло и двадцати лет со дня утверждения первого ордена, как в Западной Европе насчитывалось четыреста доминиканских и тысяча францисканских монастырей. Между тем, чтобы быть францисканцем того первого времени, от человека требовалось много энергии и самоотвержения.

Всякий, поступавший в орден миноритом, уже тем самым отказывался от настоящей и будущей собственности. Никто из францисканцев не мог иметь собственных денег; самая одежда, серая или коричневая ряса, прикрывавшая тело, принадлежала всему ордену, который обязался не приобретать имений и чего-либо свыше необходимого. Церкви францисканцев, без каких-либо украшений, были тесны от люда; пища едва удовлетворяла чувство голода.

По степени подвижничества и по образу жизни францисканцы разделились позже на конвентуалов, спиритуалов, босоногих и прочих. Из них вышли также и капуцины.

И доминиканский, и францисканский ордены управлялись каждый своим «*minister generalis*»; отдельными провинциями заведовал «*minister provincialis*»; непосредственная власть была у «*minister guardianus*». Терциаты, кающиеся, составляли первую ступень отречения; они жили в свете, хотя и принадлежали к францисканскому братству. Не связанные всей строгостью монашеских обетов, они были необходимы для целей ордена; живыми примерами они указывали испорченным современникам образец простой, умерен-

ной жизни, чуждой крайностей того и другого направления. Так формировалось новое воинство для борьбы с ересью. Многие историки, старые и новые, католические и протестантские, с удивительной простотой приписывают учреждение инквизиции тому самому Доминику, который был основателем братства проповедников; они склонны даже смешивать доминиканский орден с инквизиционным трибуналом. Подобное заблуждение происходит из поверхностного взгляда на историю, из стремления объяснять сложные исторические явления мелкими причинами. Для таких историков самое главное – придумать изобретателя системы, будь то Луций III, Иннокентий III, Доминик, Гонорий III, Григорий IX, Иннокентий IV. Весьма распространенное, особенно в старой литературе, мнение об инквизиторстве Доминика ошибочно. Полицейская система допросов, розыска по церковным делам, с их известными всякому последствиями, постоянное применение светского меча – все это развивается из сущности римско-католических воззрений, подкрепленных их историей. Эта система не входила, конечно, в католическое учение непосредственно, но привилась к нему в то время, когда в ее применении чувствовалась надобность, когда католической церкви начинала грозить опасность, когда слов убеждения становилось мало и ощущалась потребность в содействии той темной силы, которая извращенному пониманию казалась способной возместить силу духа и убеждения.

Такую опасность почувствовало католичество в эпоху альбигойства. Для земли языка провансальского первые шестнадцать лет XIII столетия были годами борьбы за торжество той или другой веры. Новое учение исповедовали там не отдельные личности, а целый народ. После первого периода войн некогда торжествовавшее под покровительством Раймунда VI, из политических целей выдававшего себя иногда за ревностного католика, альбигойство сделалось гонимым.

Альбигойское учение для так называемых верных допускало коварство и обман в вопросах веры и далеко не предписывало страданий за религиозные убеждения. То сливаясь с католиками, то снова выделяясь из них, альбигойцы-катары не давали выследить себя католическому духовенству. Часто оказывалось, что умиравший католик был в душе заклятым врагом той веры, ярмо которой он осмеливался сбросить только на пороге могилы.

Потому-то со времен первого подавления ереси потребовалось отдельное учреждение, которое давало бы возможность отличать католиков по политической необходимости от католиков искренних. Новые гражданские власти стали бы оказывать ему деятельное содействие, так как благодаря ему узнавали бы сторонников прежнего порядка.

Вся предыдущая история католицизма давала богатый материал и целый ряд примеров, который освящал прошлым обычность если не самого учреждения, то основной идеи нетерпимости, положенной в ее основание. Такие побужде-

ния были причиной организации первой инквизиции, легальную необходимость которой католические отцы старались мотивировать свидетельствами Библии.

Первая инквизиция, учрежденная над альбигойцами, — так мы называем ее в отличие от позднейшей, испанской, — находилась в зависимости от хода политических событий в главном центре ереси, в лангедокской земле. Только полное торжество католической власти способно было вызвать инквизиционный трибунал с казнями и заточениями, и только падение или даже ослабление ее устраняло возможность существования инквизиторских преследований. Муниципальные власти, стесненные феодалами-завоевателями, оказывались сторонниками двух противоположных религиозных направлений; они были то альбигойцами, то католиками, то снова альбигойцами. Они то карают ересь, то предоставляют ей послабления. Инквизиция устранилась бы, если бы французское завоевание было способно утвердить в стране католическую веру. Всякий взрыв ереси находился в непосредственной связи с ходом политических дел.

Подъем патриотического сознания в Провансе и Лангедоке

Понятно, что весть о передаче папой и отцами Латеранского собора земель тулузского графа французам и ненавистному Симону Монфору должна была произвести на все провансальское население страшное впечатление. До сих пор еще надеялись на прощение, на снисхождение. Раймонд VI, симпатичный уже одними своими несчастьями, был искренно любим в стране. Его династия была вполне национальная.

На французов смотрели как на пришельцев-истребителей, как на варваров. Народные певцы разжигали эту ненависть пламенными стихами; стансы трубадуров оплакивали несчастья павшего государя, «развенчанного попами». Быть или не быть новому учению — это зависело от той или другой династии. Раймонд VI отличался если не сочувствием к ереси, то самой широкой веротерпимостью. Издавна между графами Тулузскими и их подданными существовала негласная договоренность — одна сторона не выдавала другую во время опасности.

В тяжелые минуты для альбигойства, когда Рим грозно и публично карал Раймонда VI за равнодушие к успехам ереси, последняя тем не менее существовала, скрывшись под пеплом общего гонения. Промышленность и торговля раз-

живались в тулузских землях с большим успехом, чем в других пределах Галлии. Здесь земледельцы были или свободны, или, прикрепленные к земле, спокойно переносили не тяжелую зависимость от местного феодала. Рыцарство видело в падшем графе своего лучшего и благороднейшего представителя.

Так все элементы, все сословия на тулузском юге соединились в одном сочувствии к угнетенному государю. Его унизило и карало римское духовенство, а оно было всегда непопулярно в этой веселой стране. Горесть общин и рыцарей усиливалась еще тем, что отныне их судьба оказалась в руках ненавистного Монфора. Надо было приложить последние усилия, чтобы спасти династию, а с ней и свою национальность.

Несколько рыцарей с их вассалами решились первые выразить народное настроение. Они собрались в Авиньоне приветствовать возвращавшихся из Рима Раймонда VI и его сына. Давно знали, что оба графа отправились из Рима в Марсель морем. Лишь только они ступили на марсельский берег, как на них посыпались народные благословения и выражения общей радости. Консулы города поднесли им ключи. Старый Марсель был свободной купеческой общиной; он никогда не принадлежал тулузской династии, имел номинального сюзерена, титуловавшегося графом Прованса, но город чувствовал кровную связь с общей землей провансальского языка, а Раймонд VI всегда представлялся един-

ственно сильным из провансальских феодалов. Дело, за которое он сражался, было делом свободы и независимости провансальцев вообще. Монфору нужны были не только трупы альбигойцев; его французы приносили с собой ненависть к местным свободным учреждениям. Марсельцы были добрыми католиками, но католики-французы казались поработителями.

Через три дня после прибытия графов в Марсель к ним явился герольд из Авиньона и, поздравив с приездом, сообщил радостную весть, что триста рыцарей ждут их с нетерпением в Авиньоне, обещают содействие и приносят клятву не покидать их правого дела. Раймонд и не думал отказываться от таких услуг. Тотчас же отец и сын отправились в Авиньон, который тоже не принадлежал Тулузе. Там, неподалеку от городских стен, на берегу Роны, один из рыцарей, Арнольд Одегар, торжественно приветствовал приезжих.

— Весь Авиньон, — сказал он, — отдается вам, жизнь и имущество каждого гражданина отныне ваши. Говорим это без лжи и гордости. Тысяча храбрейших рыцарей и сто тысяч других храбрых и добрых людей обязались клятвенно восстановить вас в ваших владениях, государь. Вы получите все ваши права над Провансом, все доходы и налоги, которые вам принадлежали. Мы займем теперь же все переправы на Роне и клянемся предавать огню и мечу все, пока вы обратно не получите Тулузы и всего вашего графства.

Граф был глубоко тронут.

– Господа, – отвечал он им, – вы делаете дело великой доблести и благородства, принимая меня под свою защиту. Во всей земле языка провансальского и во всем христианстве не будет людей более славных, если вам удастся восстановить торжество нашего дела, а с ним храбрости, счастья и благородства¹⁴.

Этими словами, вложенными поэтической хроникой и уста Одегара и старого Раймонда, обрисовывается популярность графа и той идеи, что возвращалась с ним. В авиньонской ратуше граждане с увлечением присягали на верность графу.

«Авиньон поднимается в Провансе, несмотря на свое изнеможение и на последствия войны. Молю Господа, чтобы он помог городу, потому что им движет восторг и великодушие. О, могучий и изящный народ, твоя отвага – гордость провансальцев...» – писал Томьер.

Но хотя граф и утвердился в Авиньоне, однако без обладания Тулузой он не имел прочной опоры в своем государстве. Между тем ехать в Тулузу ему было нельзя. Там стояли французы и жило семейство Симона де Монфора На башнях Капитолия и Нарбоннского замка веяло знамя Монфора – белый лев на красном поле. Раймонд VII, поручив свое дело храбрости приверженцев, вернулся в Марсель и поселился неподалеку от города в ожидании дальнейшего развития событий.

¹⁴ Cansos; CLIII.

Однако его сын хотел попытать счастья. Оставив отца, он вернулся к рыцарям в Авиньон. Бароны провансальские и тулузские не щадили слов для выражения негодования по поводу торжества надменных французов. Юный Раймонд, выступавший теперь самостоятельно на политическую сцену, был средоточием их надежд. Он вторил им и напоминал былые дни их славы, все, что было дорого для них.

— Благодаря Монфору, Римской церкви и ее проповедникам, — говорили ему, — куртуазность попрана и подверглась поношению; рыцарство так унижено, что если вы не поднимете его, то все будет потеряно навсегда.

— Если Христос сохранит моих дорогих друзей и меня, — было ответом, — если он возвратит мне Тулузу, чего я так сильно желаю, то куртуазность и рыцарство не пострадают никогда. Во всем свете не нашлось бы человека, достаточно могущественного, чтобы сокрушить меня, если бы не церковь.

Эти страстные слова дышали благородной отвагой, но говоривший их не обладал такими дарованиями, которые были необходимы, чтобы соответствовать высоте задачи. Впрочем, для народа было довольно и одних слов. Граждане Авиньона встретили молодого государя с выражениями самой горячей преданности. «Из всех домов, на всех улицах, — говорит летописец, раздавались крики: “В Тулузу, за отца и за сына, да здравствует победа!” Народ кидался на колени перед графом. “Господи Иисусе, дай нам силы и помоги воз-

вратить законное наследие”, – молились на площадях. Приходилось разгонять толпу угрозами и ударами»¹⁵.

Все ликовали, точно после великой победы. На этот раз радовались не одни альбигойцы. Католики шли в кафедральный собор слушать молебен о даровании торжества в правом деле. Постепенно стали съезжаться в Авиньон бароны и владельцы, желавшие под знаменами Раймонда драться с французами и грабителями-крестоносцами. Свободные коммуны Марселя, Тараскона, Оранжа и других провансальских городов, понимая, что победа над Монфором послужит и их собственному спасению, со своей стороны, наняли отряды и предложили их Раймонду. Весь Прованс восстал. Нет ничего трогательнее в истории того времени, как это благородное сочувствие городов национальной династии, вызванное ее несчастьем.

Со своими союзниками молодой Раймонд собирался вторгнуться в Лангедок в конце мая 1216 года. Отряд был на походе, когда к графу прибыли послы из Бокера. Граждане звали его к себе, посылали ему клятвы в верности и обещали предать французский гарнизон, который занимал бокерский замок. Раймонд принял предложение. Дорогой к нему прибывали отряды из приронских коммун.

¹⁵ Cansos; CLIV.

Осада Бокера

Гарнизон Бокера командовал Ламберт Лемузенский, человек стойкий и отважный. Он, не ожидая нападения противников, пытался сделать вылазку из замка, но безуспешно. Раймонд начал осаду по всем правилам тогдашнего военного искусства. Его воины пробрались под самые стены, засыпали ров и готовились поджечь ворота. Гарнизон вступил в переговоры, требуя свободного пропуска. В этом было отказано.

Осажденные готовились погибнуть голодной смертью. Они отразили первый приступ, хотя тем несколько не облегчили своего положения. Но они не знали, что в эти самые дни к ним на помощь спешит сам Монфор.

Вождь крестоносцев только что прибыл из Франции в завоеванную им страну. Он с негодованием узнал о восстании своих подданных, как он называл провансальцев, и об осаде бокерской цитадели. С ним было много новых авантюристов, много знатных баронов, ожидавших себе наград и земель, — но у него почти не было пеших воинов. С ним были и оба его брата.

В Ниме, в верстах пятнадцати от Бокера, Монфор собрал свои отряды, исповедался, приобщился к Святым Таинствам и пошел на Раймонда. У него уже нет, как прежде, безусловной уверенности в успехе своего дела. Он не с прежней смелостью идет на противника, который между тем окрылен

успехом. Это видно из тона хроник той и другой стороны¹⁶.

Счастливым доселе вождь потерял долю той несокрушимой веры в себя, которая прежде приводила его к победам. Он словно предчувствовал, что счастье может со временем изменить и ему. Он видел общее раздражение против французов, переходившее постепенно в восстание. Гордые феодалы Франции презирали коммуны на своей родине, хотя почти всегда терпели неудачи в борьбе с ними. Но они никогда не видели такого единодушия рыцарей и горожан, как в Лангедоке. Вместо того чтобы тяготеть к своему сословию, как всегда бывало в Средние века, провансальские бароны, к удивлению французов, стояли в одних рядах с презренными торгашами и вилланами.

Раймонд Юный, как его теперь называли, спокойно ждал приближения Монфора. На полях Бокера и произошло сражение. С обычной своей горячностью провансальцы бросились в бой. Битва была кровопролитная, но с довольно неопределенным исходом.

Монфор вынужден был к вечеру отойти в Бельгард и потому может считаться побежденным. Раймонд вошел в Бокер. На следующий день французы обложили город, но без каких-либо надежд занять его. Между тем провансальцы по-прежнему держали в блокаде замок и сохранили свои сообщения с Тарасконом, Монтобаном и другими городами, откуда могли получать припасы и вспомогательные отряды.

¹⁶ *P. Cern.*, с. 83; *Guil. de Pod. Laur.*, с. 28; *Cansos*, CLIX.

Раймонд был настолько силен, что мог не только с успехом отбивать нападения Монфора, но в то же время стеснить бокерский гарнизон до последней крайности.

Сам Монфор скоро оказался в оборонительном положении и относительно Раймонда, которого он хотел принудить к сдаче: он должен был укрываться от назойливых вылазок провансальцев двойными палисадами. Ожесточение с обеих сторон было дошло до предела – провансальцы вешали, душили и четвертовали пленных, а части их трупов выставляли на городских стенах¹⁷.

Бокерский гарнизон выкинул большое черное знамя, которое должно было известить Монфора, что скоро голод вынудит осажденных к сдаче, если он не выручит их в самое ближайшее время. Вождь приказал набранным крестьянам строить большую подвижную башню, которая должна была громить город. Сделанную наспех башню подвели к стенам города, но, прежде чем она стала действовать, ее зажгли, а тех, кто пробовал перейти на стену, обливали кипящим маслом. На штурм Монфор не решился, а между тем в замке прибегнули к последнему, отчаянному средству, рассчитывая пробиться, но безуспешно. Честь не позволяла сдаться этим храбрецам. Изможденные от усталости и недостаточной пищи, они геройски отбивались от нападений провансальцев и тоже сожгли их стенобитную машину.

В таких тяжелых для себя обстоятельствах Симон Мон-

¹⁷ Об этом упоминает только *P. Cern.*; с. 83 (*Migne. Patrologia*; t. CCXIII, p. 701).

фор собрал военный совет из баронов и рыцарей. Он был слишком горд, чтобы предложить отступление, позорное для его герба. Но того требовала необходимость. При общем молчании встал Гюи Монфор и высказал то, что было в мыслях у каждого. Два месяца осады не привели ни к чему. Неудачи крестоносцев только усиливают общее недовольство и грозят восстанием. Спасти гарнизон, очевидно, невозможно, остается одно – отдать замок Раймонду и просить у него свободного пропуска гарнизона. Как бы для завершения впечатления в совет был введен воин, пробравшийся из замка. Он объявил, что гарнизон уже второй день без съестных припасов, но не сдается.

С Раймондом вступили в переговоры. Он с провансальской галантностью оказал самый любезный прием неприятельским парламентарам и, к удивлению, скоро принял предложенные условия, со своей стороны желая освободиться от Монфора, который после того вернулся в Ним.

Впервые побежденный, Монфор увидел, что почти вся страна объята восстанием. В Тулузе, этой столице Юга, все еще развевалось его знамя, но трудно было рассчитывать на сочувствие ее населения. Действительно, оно поднялось при одном слухе о неудаче крестоносцев. Граф Симон очень рассчитывал на свое личное присутствие среди граждан, на обаяние своего грозного имени. Только; оно одно, полагал Монфор, могло смирить «эту неверную и презренную породу», как честил он тулузцев. Оставив свою конницу в Ниме для

наблюдения за окрестной страной, он поспешил в Тулузу.

Первое восстание в Тулузе и его подавление

Одна сторона говорит, что тулузцы первые поступили коварно, захватив передовых воинов, посланных Монфором, вследствие чего последний велел жечь окрестные города. Другая утверждает, что Симон первый поступил вероломно, арестовав городских депутатов, отправленных к нему для изъявления покорности¹⁸. Во всяком случае, движение на Тулузу сильных отрядов Раймонда Юного, получившего подкрепления из Каталонии, было несомненной причиной похода Монфора.

В трех лье от столицы (то есть за тринадцать верст), именно в Монгискаре, полчища крестоносцев остановились. Когда опасность разгрома казалась неминуемой, тулузцы отправили к своему ненавистному государю депутацию для переговоров, которая должна была принести изъявления покорности и просить прощения. Симон вначале отказался принять ее, но потом допустил к себе и, осыпав депутатов оскорблениями и бранью, неожиданно объявил, что самые зажиточные из них должны остаться его заложниками. К такому поступку побудили его советы изменника Фулькона,

¹⁸ «При подходе графа к Тулузе его передовые воины были вероломно схвачены горожанами... и заключены...» См. P. Cern.; с. 83. Этому противоречит Chron. prov., 138 (Megc); Cansos, CLX.

епископа Тулузского, бывшего в рядах крестоносцев. Указанных немедленно схватили, связали и отправили в Нарбоннский замок, несмотря на возражения и просьбы многих крестоносцев, и даже самого Гюи Монфора. Если даже это насилие и было ответом на захват передовых крестоносцев, то тем не менее Монфор не мог сделать ничего более бестактного, более вредного для своих собственных интересов. Направляясь в свою резиденцию в качестве законного государя, утвержденного высшей папской санкцией, он делался теперь в глазах тулузцев и всех провансальцев вероломным разбойником.

Муниципальный дух Тулузы восстал, старые силы пробудились, патриотический энтузиазм моментально охватил все население, словно вспыхнул от искры стог сена. Все поднялись на защиту дорогого города. В крепости находился неприятельский гарнизон, но у граждан были руки, чтобы защищать свои дома. Всякий взрослый мужчина стал на эти дни воином. Тулузцев было много, но рыцари Монфора, прославившиеся на турнирах, закаленные в боях, готовые броситься в бой по одному мановению знаменитого вождя, презрительно относились к противникам, которые готовились умирать под их мечами.

Тулузцы надеялись, говорит их поэт, что Бог не оставит их, поддержит правых. Они знали, что борются с ложью и коварством, так как то и другое было постоянным оружием их врага.

Монфор не соглашался ни на какую сделку с гражданами. Он неизменно отвечал тулузским посланным, молившим о пощаде:

– Я войду в Тулузу во что бы то ни стало, с оружием или без оружия. Прежде я не трогал вас, но вы между тем не переставали сноситься с бокерцами. Вы меня и без того когда не любили – вы клялись повиноваться не мне, а графу Раймонду да его сыну...¹⁹

Тот самый Фулькон, по совету которого были задержаны парламентареры, придумал, как французам взять столицу даже без борьбы. Епископ смело поехал в город, окруженный многими рыцарями и оруженосцами; он был уверен, что его влияние на католическую паству еще не исчезло. Он явился в городское собрание и заявил, что единственное спасение горожан в немедленной покорности; лицемерно он скорбел об участи своего бедного стада.

– Всякий, кто дорожит своей семьей и имуществом, должен сейчас же оставить город и идти в лагерь французов, – говорил Фулькон, – может быть, почетнейшие из граждан своей покорностью смягчат гнев властителя.

Несчастный народ поверил коварному прелату. Многие из влиятельных и богатых граждан решились идти первыми к Монфору. Южане были замечательно легковерны; их не научил пример сограждан, уже сидевших в оковах под стражей. Длинной вереницей тянулись тулузцы во французский

¹⁹ Chron. prov.; 139.

лагерь; их встретили воины Монфора. Как и следовало ожидать, всех их тотчас же схватили и связали. Оставшиеся позади кинулись бежать и распространили в городе общее смятение. Теперь настал час народной мести.

Крестоносцы первые начали резню с католиками же. Воины, бывшие в свите епископа, оставшись в городе, схватились с горожанами. Они совершали насилие даже над женщинами и детьми. «Было ужасно видеть, – замечает летописец, – сколько зла в короткое время успел сделать, епископ для своей паствы».

Но горожане не собирались уступать свой город – всякий, кто мог еще владеть оружием, вооружился, и началась битва в улицах. В разных местах вдруг выросли баррикады. Приходилось силой овладевать каждой преградой, и из-за каждой нещадно били врага.

Через несколько часов рыцари были утомлены такой непривычной для них борьбой. Тогда, в свою очередь, горожане перешли в наступление. Они бросились вперед с неистовством, точно «львы голодные и разъяренные. Они решились лучше умереть, чем жить в рабстве», – говорит их историк²⁰.

Опытные и воинственные рыцари не выдержали напора и побежали от плохо вооруженных горожан, потеряв убитыми более половины бойцов. Горожане ретиво преследовали бежавших, загораживали отступление и гнали по главной ули-

²⁰ Chron. prov.; 139.

це к Нарбоннскому замку. Здесь французы думали укрыться в ожидании прибытия своего вождя, который замешкался.

В этот самый момент в Тулузу въехал вспомогательный отряд Гюи Монфора. Он хотел остановить бегущих, но, увлекаемый общей паникой, вместе с бегущими скрылся к Нарбоннском замке. Наступила ночь.

Симон наконец прибыл в замок, но дело было уже проиграно. Со свойственной ему жестокостью он, в порыве мести, велел поджечь город. С этой целью в разные части столицы направились особые отряды. Но жители были настороже. На площади Святого Стефана произошла жестокая схватка, французы были опять разбиты: одни спешили укрыться в кафедральном соборе, другие – и епископском дворце; следом за ними туда ворвались граждане. Тогда Симон Монфор сам пошел выручать своих, но безуспешно. Напрасно он разил своим мечом направо и налево. Численность горожан брала перевес над воинским искусством. Такова была ярость и храбрость народа, что опытные рыцари должны были признать себя побежденными.

Была минута, когда Монфор боялся за собственную жизнь. Он укрылся в кафедральном соборе; кровь текла по стенам этого величавого здания, площадь устилала трупы и раненые. Рыцари напрягли последние силы и с Монфором во главе прорвались через толпу, оставили город и вернулись в Нарбоннский замок, где у Монфора было много пленников в качестве заложников. Вzbешенный постыдным поражением,

он объявил им, что если город не сложит сейчас же оружия, то они погибли, все без исключения. Но город, опьяненный победой, был на таком подъеме патриотического чувства и в таком безначалии, что невозможно было и думать об успехе каких-либо переговоров.

Казалось, что древняя муниципия счастливо спасла себя от порабощения. Но злой гений Тулузы в лице ее епископа опутывал ее новыми сетями. Вместе со старым приором кафедрального собора Фулькон поехал по улицам города, заклиная жителей сложить оружие. Он обещал им своей епископской митрой, от имени Монфора, полное забвение прошлого; в противном-де случае погибнут все их лучшие люди, находящиеся в плену. Опять новая борьба в сердцах горожан и сановников. Влиятельные лица собрались на совещание. Мнения решительно разделились: одни, наученные опытом, видели обман; другие, беспокоясь о судьбе пленников, соглашались на сделку. Епископ и аббат в соседнем шомещении нетерпеливо ожидали решения. Прения продолжались долго.

Чувство жалости и любовь к землякам одержали верх. Тулуза соглашалась покориться.

С радостью поспешил прелат к Монфору. Вождь велел благодарить капитул и просил передать, что завтра он лично прибудет в Капитолий для подписания договора и приглашает туда всех должностных граждан, носящих оружие, то есть местных рыцарей. Монфор прибыл, окруженный своими ба-

ронами. В город между тем вступили его войска и подошли к Капитолию. Когда заседание в присутствии графа было открыто, то первое слово было дано аббату Святого Сатурнина. Он говорил о той счастливой дружбе, какая настала теперь между новым государем и тулузцами.

– Всем этим вы обязаны ходатайству вашего епископа, – прибавил он.

В честь изменника раздались восхваления.

– Может быть, между вами есть недовольные, – продолжал аббат. – Они могут свободно удалиться из города. Оставшимся же не будет причинено никакого насилия. Я и епископ в том порукою.

Нельзя было лицемерить с большим искусством. Прелатам были хорошо известны намерения Монфора насчет города. Он не был тронут покорностью и смирением победителей. Неблагоразумно явившиеся на собрание стали жертвой его гнева. Все присутствовавшие, окруженные его войсками, вынуждены были сложить оружие, а рыцари и знатнейшие горожане были заключены в оковы. Все главные пункты и башни города были немедленно заняты. В страхе и в предчувствии новых бедствий расходились обезоруженные граждане. Скорбь была написана на лицах. Но тулузцы не знали еще всей той ненависти, какую способен был питать к общине французский вельможа того времени. К Тулузе же Монфор питал теперь особенную ненависть, так как она глубоко уязвила его самолюбие.

Он собрал своих баронов и сделал предложение, которое должно была устрасить даже средневековых феодалов. Он объявил, что хочет разрушить город до основания и сровнять его с землей. Любимый город древних кельтов, столица тектосагов, крепость римлян, Тулуза должна была окончить свое историческое существование от руки свирепого франка и предводимых им крестоносцев.

Первым восстал против такой меры брат вождя – Гюи; он видел в ней покушение отчасти и на свое достояние.

– Тулузцы и без того жестоко наказаны, государь, – говорил он. – Если, увлеченный жестокостью, ты разрушишь город, то приобретешь дурную славу в христианском мире. Ты берешься защищать имя Христово между еретиками, а между тем делаешься ненавистным церкви²¹.

Даже Фулькону не могло понравиться такое намерение. Симона с трудом уговорили ограничиться большой контрибуцией, которой тулузцы выкупили существование своего славного города. Монфор велел консулам и советникам собраться в церкви Святого Петра; туда же были приведены пленники из замка. Победитель объявил здесь городу свою волю. Тулуза должна уплатить ему тридцать тысяч марок серебром. Для ограбленных жителем это была огромная сумма. Но эта же мера послужила и к спасению Тулузы.

Добыть такие деньги можно было только или открытым грабежом, или невыносимыми вымогательствами. Ответ-

²¹ Chron. prov.; 139.

ственность за уплату была возложена на особых сборщиков, выбранных из состоятельных лиц. Последние поплатились большей частью своего имущества, и их ненависть к французским порядкам могла лишь усилиться.

Долго пересказывать те жестокости, которые совершались при сборе налога. «Народ стонал в рабстве», – лаконически выражается католический историк Альбигойской войны, близкий к описываемым событиям. «Слуги Монфора, – рассказывает очевидец, тулузский патриот, – стали чинить всякие насилия, оскорбления и несправедливости. Везде они стали появляться угрожающие, свирепые; спрашивали и брали что хотели. Во всякое время и повсюду можно было встретить в Тулузе и мужчин и женщин, одинаково печальных, неутешных и негодующих, слезы лились у них из глаз, и сердце сжималось от боли. Иностранцы хозяйничали в городе, скупая все у жителей, так что им самим не оставалось ни муки, ни зерна, ни порядочных одежд».

«О благородный город Тулуза, так глубоко униженный, каким позорным людям Бог предал тебя!»²²

Воспоминание о старом, прирожденном графе и его сыне, этих несчастных скитальцах, было единственным утешением в великом народном горе. С изгнанниками тулузцы установили тайные связи, и, лишь только Монфор выступил из столицы для покорения графства Фуа, агитация против иноземного господства снова усилилась.

²² Cansos; V. 5048 etc.

На этот раз она прошла далеко не бесследно. Приближались дни хотя и временного, но довольно продолжительного торжества национального дела в Лангедоке. Вместе с этим торжеством должно было усиливаться альбигойство.

Второе восстание в Тулузе, осада Тулузы и смерть Симона Монфора

Монфору уже не суждено было больше увидеть город, которому он принес столько зла. Оставляя Тулузу, он не подозревал, что целым рядом событий и даже небесславных для него успехов, он постепенно отдаляется от главной цели Крестового похода.

Владелец графства Фуа, Раймонд Роже, лишенный своего наследия Иннокентием III, обратился с мольбой к новому папе, Гонорию III, об оказании справедливости. С этой целью он отправил к нему посольство. Со всех сторон слышал Гонорий предостережения против еретика, но, желая ознаменовать первые дни своего правления актом правосудия, приказал двадцать седьмого ноября 1216 года местному легату ввести графа де Фуа во владение его землями, в последнее время управляемыми Римской церковью. Извещая об этом Раймонда Роже, он писал ему между прочим:

«Многие лица не советовали мне возвращать тебе самый замок Фуа из опасения, что, получив его, ты снова смутишь мир и оскорбишь веру, но мы решились привести в исполнение наше решение, так как ты поклялся перед кардиналом Петром Беневентским верно служить церкви, почему этот легат и дал тебе разрешение. Мы не хотим навлекать нарекания на Римскую церковь, что она не держит своих обеща-

ний. Но если ты откажешь нам в повиновении, то будь уверен, что наша рука всегда простерта над тобой, дабы немедленно наказать тебя».

Тут же папа сообщает, что такая милость сделана отнюдь не даром и не оплошно, что сам граф Роже Бернар, его сын и граф Коммингский, его племянник, дадут прочное обязательство, что не нарушат более мира и «не станут мутить веру». Они должны были обещать, что при первой таковой попытке замок Фуа навсегда перейдет к Римской церкви. Сверх того Раймонд Роже должен заплатить пятнадцать тысяч солидов церкви за охрану Фуа.

Исполнив все эти обязательства, граф надеялся получить свою столицу. С такими мечтами он ехал из Каталонии, где жил изгнанником. Он рассчитывал, что невзгоды его прошли. Он был уже стар; энергия оставляла его. Никто из провансальских князей не отличался никогда такой ненавистью к Риму, как Раймонд Роже, но теперь он чувствовал, что новая вера не может продолжать борьбу с тиарой. Вряд ли он был способен на какую-либо инициативу. На сцену выступало новое поколение. Те герои Прованса, которые проявили себя на заре альбигойства, пережили столько бедствий за ересь дуалистов и за учение Вальдо, что могли со спокойною совестью передать продолжение борьбы своим детям.

Чем был Раймонд Юный для Тулузы, тем для Фуа стал Роже Бернар. Отцы оставались зрителями подвигов своих детей, когда последние с юношеской отвагой рвались в нерав-

ную борьбу. Отцы, конечно, готовы были разделить радость торжества, – оно было чаянием их жизни, – но и теперь и впредь они предпочтут оставаться пассивными участниками.

Монфор очень хорошо понимал это. Он знал, что местные династии – центр притяжения для населения, и потому поставил себе целью искоренить их. Он понимал, что ересь погибнет лишь тогда, когда его крестоносцы водворятся в Лангедоке как землевладельцы, на феодальных отношениях к нему одному. А для этого надо было уничтожить представителей прежних династий. Потому ему было весьма неприятно снисхождение, оказанное Гонорием III Раймонду Роже. Но как обойти всемогущую папскую буллу, как попытаться вторично изгнать графа из его областей? Он искал предлог и нашел его.

В последнее время около замка Фуа был возведен укрепленный городок Монгреньер. Он был построен с удивительной быстротой. В Лангедоке при счастливых экономических условиях это бывало нередко. Монгреньер находился на вершине горы, доступ на которую был очень затруднен. Полагали, и небезосновательно, что новая крепость станет крепким орешком для тех, кто попытается овладеть ею. Там-то, по словам Петра Сернейского, поселились «возмутители и гонители» истинной веры; там было убежище врагов Римской церкви²³.

²³ *Petr. Cern.*; с. 84, р. 705.

Крепость занимал Роже Бернар. Слова хроникера дают достаточное основание причислить молодого графа к главам вождям альбигойского движения. Монфор знал, какое население жило в Монгреньере. Совершенно неожиданно, шестого февраля 1217 года, он явился со своей армией и встал перед крепостью. Роже Бернар считал, что находится в совершенной безопасности. В горах лежал снег; зима в этой местности была всегда суровее, чем в окрестностях. Всадники Монфора привыкли преодолевать бури и непогоды – чего нельзя было достичь силой, они достигали терпением.

Вопреки ожиданиям жителей, их город скоро оказался в плотной блокаде. Французы пресекли все пути сообщения; в городе истощались припасы продовольствия.

Пока сын находился в такой опасности, отец не решался вернуться в Фуа, потому что того не желал Монфор. Напрасно он ссылался на папскую буллу, гарантировавшую ему мир. Духовенство вняло было его представлениям, и в Перпиньяне депутация клириков явилась в лагерь Монфора. Но Симон решительно заявил, что не уважит их просьбы, что он не собирается допускать возвращения династии Рожеров и что намерен занять и укрепить замок Фуа. Духовенство не хотело менять Монфора на бывшего друга еретиков и дозволило вождю крестоносцев нарушить папскую буллу до прибытия нового легата, кардинала Бертрана, назначенного папою в январе 1217 года.

Между тем положение Роже Бернара становилось опас-

ным. Воинов у него было немного, на вылазку он не решался, а помощи от отца ожидать было невозможно, поскольку французы уже заняли Фуа. Он принужден был заговорить о капитуляции Монгреньера, требуя свободного выхода с оружием для себя и пропуска для осажденных еретиков. Едва ли Монфор принял бы такие условия, если бы не вести о новых волнениях в Нарбоннском диоцезе. Он согласился на пропуск, взяв при этом обязательство с Роже Бернара не поднимать оружия на французов в продолжение года.

Снова обреченный на скитальчество, Бернар поехал к отцу на каталонскую границу. В Монгреньере и Фуа были оставлены французские гарнизоны.

Восстание в Нарбоннском диоцезе и Лига нижних приронских городов показали французам, насколько непрочно на власть завоевателей на все еще враждебной территории. Монфору удалось погасить мятеж, но против Лиги, душой которой был город Сень-Жилль, усилия крестоносцев оказались бесполезными.

Бывший свидетелем позора Раймонда VI, Сень-Жилль ревностно стоял за эту династию. Дошло до того, что сенжилльцы явно возмутились против духовенства, с которым были связаны воспоминания о насилиях чужеземцев. Со Святыми Дарами в руках, босые, местный аббат и его клир вышли из Сен-Жилля торжественною процессией, предварительно произнеся проклятие над еретическим городом. Только этого и хотели горожане. Они тотчас же провозгла-

сили над собой власть Раймонда как законного государя.

Монфор начал свои подвиги на Роне убийствами и резней в замке Бернис, где, «сообразно заслугам», вздернул на виселицы тех, «кого следовало»²⁴. Эти казни произвели то действие, что альбигойцы стали сосредоточиваться в цитаделях Сен-Жилля и Бокера. В лагере Монфора находился только что прибывший легат, кардинал Бертран. Дорогой он едва не попался в руки еретиков. Его наблюдению поручались провинции Эмбрен, Вьенна, Арль, Нарбонна, Ош и диоцезы Менд, Пюи и Альби с правом вершить в них все «дела мира и войны». Провансальские прелаты безусловно должны были исполнять его распоряжения, а для духовных назиданий он выписал в тулузский край из Парижа нескольких молодых богословов. Он готовился быть свидетелем окончательного и прочного водворения католичества на берегах Роны. Рыцари Монфора уже подошли к Сен-Жиллю. Легат остался выжидать в Оранже после того, как получил от сенжилльцев решительное запрещение входить в город, он заявил, что достигнет того силою.

Между тем Раймонд Юный, этот живой дух страны, приносивший повсюду свежую энергию, побывав в Сен-Жилле, учредил свою резиденцию в Авиньоне. Он вел отсюда сношения с тулузцами, производил между ними агитацию и, считая себя независимым государем, издавал грамоты, в которых титуловался: «Раймонд, Божию милостью, молодой

²⁴ *P. Cern.*; с. 84.

граф Тулузы, герцог Нарбонны и марки Прованса»²⁵. От своего имени он давал разные льготы городам Прованса, как например, Марселю и Бокеру, актами утверждая их самоуправление и содействуя тем развитию их промышленности и торговли.

Старый дух свободы живительно повеял на эти древние общины. Те узы, которыми Раймонд привязал себя к местной коммунной жизни, были настолько прочны, что отряды Монфора терпели поражения везде, где только ни появлялись. Крестоносцы отступили от Сен-Жилля для спасения легата, которого марсельцы, авиньонцы и бокерцы осадили в Оранже. Разогнав одним появлением пехоту общин, Монфор по совету легата сосредоточил все свои силы в Вивьере для перехода через Рону. Во всех других пунктах переправа была невозможна, поскольку городские дружины укрепили местность и неусыпно наблюдали за берегом, а авиньонцы пустили несколько судов по Роне, чтобы препятствовать переправе крестоносцев.

Наконец, преодолев упорное сопротивление, Монфор перешел Рону под Вивьером. Вешая и предавая огню всех, кто попадался ему на пути, он остановился ненадолго в Монтелимаре, жители которого изъявили ему покорность, но отказали в подчинении легату. Видимо, Монфору это даже понравилось. По намекам летописи, здесь жило много еретиков, но Симон неожиданно смягчился, когда получил от

²⁵ Preuves de l'hist. de Languedoc; t. V, № 85, a. 1217–1219.

владельца замка ленную присягу. Он готовился к нападению на замок Крёст, в диоцезе Валенции, который принадлежал Адемару де Пуатье, графу Валентинуа, другу Раймонда Юного. Вероятно, этот замок представлял выгодную позицию и был хорошо укреплен, ибо для его осады потребовались почти все силы Монфора и еще сто французских рыцарей, присланных королем Филиппом. То был первый факт прямого участия французского правительства в крестовом предприятии и в истории завоевания страны.

События под Крёстом показали, насколько чужд был Монфор делу непосредственного служения Римской церкви. Всегда отважный и неуступчивый, он, невзирая на присутствие легата, вступает в переговоры с графом Валентинуа, даже предлагает ему свою дочь в замужество с тем только, чтобы ему уступили этот драгоценный замок и чтобы граф Адемар впредь не нападал на крестоносцев. Об альбигойцах в договоре не было и помину. Предложение было принято, и вот друг Раймонда Юного делается другом вождя крестоносцев и даже связывает себя с ним родственными узами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.